

КАК УХОДИЛИ ВОЖДАИ

ЕВГЕНИЙ ЧАЗОВ
ХОРОВОД
СМЕРТЕЙ

БРЕЖНЕВ, АНДРОПОВ,
ЧЕРНЕНКО...

Как уходили вожди

Евгений Чазов

**Хоровод смертей. Брежнев,
Андропов, Черненко...**

«Алисторус»

2014

Чазов Е. И.

Хоровод смертей. Брежнев, Андропов, Черненко... /
Е. И. Чазов — «Алисторус», 2014 — (Как уходили вожди)

Евгений Иванович Чазов в течение двадцати лет (с 1967 по 1986 г.) возглавлял 4-е Главное управление при Минздраве СССР, которое обслуживало высших руководителей Советского Союза. Именно в это время состоялся так называемый «хоровод смертей», когда один за другим умерли три Генеральных секретаря ЦК КПСС (Брежнев, Андропов, Черненко). Е. И. Чазов по долгу службы обязан был знать все о состоянии здоровья и причинах смерти своих подопечных; в своей книге он рассказывает, как уходили из жизни советские вожди, приводит подробности их последних дней. Особое место уделяется кончине Л. И. Брежнева, о которой по сей день ходит множество слухов.

© Чазов Е. И., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Евгений Иванович Чазов

Хоровод смертей. Брежнев, Андропов, Черненко...

Предисловие

Мне не хочется претендовать на обладание бесспорной истиной; может быть, что-то я видел не так, как другие свидетели событий. Но описать объективно то, что я знал, уверен – мой долг перед будущими поколениями.

«Кто вы?» – нередко спрашивали меня западные журналисты. Кем только меня не представляли! В журнале «Ридерс дайджест» утверждалась, например, такая нелепость, что я являюсь одним из высших чинов КГБ. В 1984 году, во время моего пребывания в Соединенных Штатах Америки, люди из Голливуда предлагали снять фильм, где я должен был выступать в качестве близкого Брежневу человека, который, вопреки его воле, стал одним из самых выдающихся борцов за мир.

Всех превзошли Е. Тополь и Ф. Незнанский в развлекательном, но очень глупом бестселлере «Красная площадь», изданном в Нью-Йорке в 1984 году. В нем профессор Е. Чазов является чуть ли не полномочным представителем Брежнева в расследовании причин смерти заместителя председателя КГБ С. Цвигуна, которая, по их мнению, последовала не в результате самоубийства, а явилась следствием заговора. Моя жена с юмором сказала мне: «Знаешь, подав в суд на авторов за нанесение морального ущерба, ты, несомненно, выиграл бы процесс. Во-первых, у тебя густая шевелюра, а не лысина, как они пишут, во-вторых, ты, как истинный врач, не куришь, а в-третьих, не пьешь коньяк из стаканов, да еще на работе».

Кто я? Врач, ученый, работы которого известны всему миру, общественный деятель, оказавшийся в гуще политических событий, брошенный в этот омут судьбой или Божьей волей. Можно по-разному интерпретировать, кем брошен, в зависимости от взглядов читателя – атеиста или верующего.

Вращаясь 23 года в гуще политических страстей, зная о необычных и непредсказуемых судьбах видных политических деятелей, мне иногда хотелось узнать, почему же тогда, в конце 1966 года, выбор Л. И. Брежнева пал на меня, причем при моем категорическом возражении? У меня не было ни «ответственных» родителей, ни связей, ни блата. Да и политически я был индифферентен, отдаваясь весь своей любимой науке и врачебному делу. Жизнь только начала мне улыбаться.

Перебрав возможные кандидатуры на должность директора Института терапии, где я работал заместителем директора, и получив от всех отказ, Президиум Академии медицинских наук был вынужден не только назначить меня директором института, но и рекомендовать меня в члены-корреспонденты Академии. Мои работы по лечению больных инфарктом миокарда, новые подходы к лечению тромбозов были известны к этому времени во многих странах мира. Известный американский кардиолог Пол Уайт, с которым мы подружились, предрекал большое будущее моим работам.

И вдруг, как ураганом, были сметены за несколько дней все мои планы, мечты. На Всесоюзном съезде кардиологов в конце декабря 1966 года мне пришлось сидеть в президиуме вместе с бывшим тогда министром здравоохранения Б. В. Петровским. Я не придавал значения его расспросам о жизни, интересах, знакомствах, о врачебной деятельности. На следующий день он позвонил мне и попросил зайти поговорить. Это тоже не вызвало у меня беспокойства, так как во время встречи на съезде я посвятил его в планы создания в стране кардиологической

службы для лечения больных с заболеваниями сердца. Каково же было мое удивление, когда он, не успев даже поздороваться, предложил мне возглавить 4-е Главное управление при Министерстве здравоохранения СССР, называвшееся в народе Кремлевской больницей. Мне, по понятиям, принятым в нашей стране, 37-летнему «мальчишке». В первый момент я настолько растерялся, что не знал, что и сказать. Однако воспоминания о Кремлевской больнице, где мне пришлось работать врачом в 1956–1957 годах, воспоминания о привередливом и избалованном «контингенте» прикрепленных, постоянный контроль за каждым шагом в работе и жизни со стороны КГБ вызвали у меня категорическое неприятие предложения. Вспомнилось и другое: насколько известно, предлагались многие кандидатуры на эту должность – заместитель министра А. Ф. Серенко, профессор Ю. Ф. Исаков и другие. А кресло начальника уже 7 месяцев вакантно, и прочат в него тогдашнего заместителя начальника 4-го Главного управления Ю. Н. Антонова. Пусть бы и шел, чем кого-то срывать с любимой работы. Но если 7 месяцев не берут, значит, не хотят или есть какие-то другие причины.

Мои доводы Петровский не воспринимал. Не подействовал даже такой по тем временам, как казалось мне, убедительный довод, что я разведен. Моя первая жена, известный реаниматолог, работала в это время в институте у Б. В. Петровского. Выслушав все мои аргументы, министр сказал, что все это хорошо, но завтра я должен быть в ЦК КПСС у товарищей В. А. Балтийского и С. П. Трапезникова, а сразу после Нового года со мной хотел бы встретиться Л. И. Брежнев.

После такого сообщения стало ясно, что я уже «проданная невеста» и мое сопротивление напрасно. Кстати, когда я был на следующий день у В. А. Балтийского и со свойственной мне прямоотой начал отказываться, всегда вежливый, но хитрый, напоминавший мне лису на охоте, заведующий сектором здравоохранения ЦК намекнул, что категорический отказ может повлиять на избрание меня членом-корреспондентом. Эти дни, совпавшие с началом Нового, 1967 года, были сплошной фантасмагорией. Первое, что меня поразило, – масса поздравлений с Новым годом, которые я получил. Никто, по моему мнению, кроме ограниченного круга людей, не мог знать о предложении и предстоящем разговоре с Л. И. Брежневым. Тем более этот «круг» предупредил меня о молчании. Я не был столь наивен, чтобы думать, что поздравляют ординарного молодого профессора. Многие поздравления к тому же были от незнакомых мне лиц.

Да простятся человеческие слабости, проявления которых я не раз ощущал на себе в зависимости от положения и ситуации. Я помню не только эту удивительную массу телеграмм, направленных еще не назначенному руководителю 4-го Главного управления. Я помню и тот вакуум, который стал образовываться вокруг меня после смерти Л. И. Брежнева и после того, как, понимая всю бесперспективность борьбы за обновление советского здравоохранения, я подал в отставку с поста министра.

* * *

В первый же день 1967 года рано утром я отправился на Старую площадь, в подъезд № 1. Переступая порог этого здания, которое в то время олицетворяло власть, могущество, где определялись судьбы миллионов и куда входили с почтением и дрожью, мне и в голову не приходило, что этот подъезд станет для меня обычным входом в обычное учреждение, где придется решать обыденные рабочие вопросы.

В этот день меня передавали по цепочке – Б. В. Петровский В. А. Балтийскому, В. А. Балтийский заведующему отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезникову. Наконец, около 10 утра нас (меня, Б. В. Петровского и С. П. Трапезникова) пригласили в кабинет Л. И. Брежнева. Здороваясь с ним, я не предполагал, что на 15 лет свяжу свою жизнь с этим человеком. В тот момент мне Брежнев понравился – статный, подтянутый мужчина с военной выправкой, при-

ятная улыбка, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор, плавная речь (он тогда еще не шепелявил). Когда Брежнев хотел, он мог расположить к себе любого собеседника. Говорил он с достоинством, доброжелательством, знанием дела.

Какая жизнь, какая судьба! Разве мог я предполагать тогда, что на моих глазах произойдет перерождение человека и невозможно будет узнать в дряхлом, разваливающемся старике бывшего статного красавца. Разве это нельзя было предотвратить? Можно. Но часто губят не болезни, а пороки.

Разговор продолжался около двух часов. Брежнев вспоминал, как перенес во время работы в Кишиневе тяжелый инфаркт миокарда, как в 1957 году, накануне Пленума ЦК КПСС, на котором были разгромлены Маленков, Молотов и Каганович, он попал в больницу с микроинфарктом и все же пошел на пленум спасать Н. С. Хрущева. Причем, когда он вышел на трибуну, бывшая тогда министром здравоохранения М. Ковригина встала и заявила, что Л. И. Брежнев серьезно болен и ему надо запретить выступать. (Кстати, это стоило ей в дальнейшем, после снятия Маленкова и Молотова, кресла министра.) И как бы в ответ на этот выпад Брежнев ответил, что большевики за свои принципы борются до конца, даже если это ставит под угрозу их жизнь. Во время разговора он много шутил, вспоминал смешные истории. Создавалось впечатление, что он хочет понравиться.

Он не спрашивал меня о моих политических симпатиях или убеждениях, о моем отношении к Политбюро, к активно проводимой в то время перестройке систем, созданных Н. С. Хрущевым. В разговоре было больше медицинских и житейских проблем. Вспоминали старую «Кремлевку», где он лечился и где я работал в 1957 году. Брежнев резко высказывался в отношении состояния работы этого Управления. «Вы тот человек, с новыми мыслями, который нам нужен. Надо создать показательную систему, привлечь лучшие силы, взять на вооружение все лучшее, что есть в мировой медицине. Н. С. Хрущев роздал все, разрушил то, что создавалось в медицинской службе Кремля, работал на публику. А что это дало? Ну отдали два-три санатория, теперь они почти не функционируют. А что, народ стал от этого лучше жить?»

Действительно, мне пришлось побывать в тех санаториях, которые были переданы Хрущевым профсоюзам, другим организациям. Никогда не забуду, как в 1968 году нам необходимо было разместить в Цхалтубо президента Г. Насера, который приезжал туда на лечение. Вспомнили, что в Цхалтубо есть дача, построенная для Сталина. Вместе с тогдашним руководством Грузии мы выехали на эту дачу, которая в то время функционировала как дом отдыха МВД республики. Я уж не говорю о грязи, запущенности, царивших в этом прекрасном здании. Первое, что меня поразило, когда я вошел, это вбитый между двумя мраморными досками камина большой гвоздь, на котором висела милицейская фуражка. Здание было в таком состоянии, что мы не смогли за короткое время привести его в порядок, и Насера разместили в другом помещении.

К сожалению, в нашей стране существует принцип – если разрушать, то разрушать до конца. К сожалению, и сейчас существует такая тенденция: разрушать то, что было создано предыдущим поколением, если в чем-то это поколение или его политика, стиль жизни не устраивают тех, кто пришел ему на смену.

Выслушав в заключение мои категорические возражения, Л. И. Брежнев сказал: «Вот если бы вы сразу согласились и сказали – Леонид Ильич, партия сказала „надо“ – значит, „есть!“, я бы еще подумал, назначить вас начальником Управления или нет. А если отказываетесь, то это значит, что лучше вас никого не найдешь». И, оборачиваясь к вошедшему начальнику охраны А. Рябенко, добавил с юмором: «Саша, Евгений Иванович не хочет идти работать в 4-е управление, так ты найди в охране здания милиционера не ниже полковника и отправь с ним его в Управление. Пусть начинает работать».

И я (конечно, без милиционера) поехал в 4-е Главное управление. То, что мое назначение оформлялось в спешном порядке и было полной неожиданностью, в частности, для коллектива

этого Управления, мне стало ясно из курьезной ситуации, которая возникла, когда с приказом о моем назначении я приехал в комендатуру на улице Грановского. Когда я себя назвал, на лицах охраны было написано такое нескрываемое удивление и растерянность, что это вызвало у меня улыбку. Мне смущенно сказали, что пропустить меня не имеют права, так как пропуска нет. Начальник охраны куда-то долго звонил, с кем-то разговаривал. Наконец, получив, видимо, указания, он выбежал с извинениями из своего кабинета и проводил меня в основное здание.

* * *

Не скоро я, наивный врач и ученый, понял, что оказался «пешкой» в той политической борьбе за власть, которая развернулась в то время между группой Л. И. Брежнева и группой А. Н. Шелепина. Политическая борьба за власть, часто незаметная для широких кругов, знаменует все 70 с лишним лет истории советского государства: Ленин и Троцкий, Троцкий и Сталин, группа Хрущева и группа Маленков – Молотов – Каганович и другие, Хрущев и коалиция Брежнев – Шелепин – Подгорный – Косыгин и другие.

Мне пришлось близко познакомиться почти со всей группой, сместившей в 1964 году Н. С. Хрущева. Меня удивляло, как могли объединиться в непростой и до определенного момента тайной политической борьбе такие непохожие по своим характерам, взглядам, принципам, да и просто по человеческим качествам Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин, М. А. Суслов и А. Н. Шелепин, К. Т. Мазуров и Д. С. Полянский. Но вскоре я понял: помимо того, что подавляющее большинство из них понимало, что политика, которую начал осуществлять Н. С. Хрущев в последние годы, может привести к непредсказуемым последствиям в жизни страны, у каждого из группы были свои личные причины добиваться его отставки.

Наиболее активными и наиболее известными в тот период в партии, которая практически определяла жизнь страны и общества, были Л. И. Брежнев и А. Н. Шелепин. Оба были из относительно молодого и нового поколения руководителей, если сравнивать их с М. А. Суловым и А. Н. Косыгиным, оба прошли школу политической борьбы и политических интриг, оба занимали видные посты в партии, и оба пользовались определенной популярностью в народе. В этом отношении Л. И. Брежнев проигрывал А. Н. Шелепину, которого считали более радикальным. Имело значение и то, что многие знали о тесной дружбе Л. И. Брежнева и Н. С. Хрущева, который всегда поддерживал Брежнева. В свою очередь, Брежнев до поры до времени составлял опору Хрущева, объединял силы в его поддержку, как это было в период разгрома группы Маленкова, Молотова, Кагановича и других в 1957 году. К началу 1967 года сложилась непростая расстановка сил в руководстве партии.

Мне бывает грустно и смешно, когда я знакомлюсь с характеристиками, которые падкая на «моду» свободная демократическая печать дает руководителям периода «застоя».

(Никто не определил, с какого времени надо вести его отсчет.) Это касается, в частности, и характеристик, даваемых Л. И. Брежневу.

Никто из современных публицистов и политологов всерьез не задается вопросом, почему партия выбрала в 1964 году Брежнева и подтвердила свой выбор на XXIII съезде в 1966 году, избрав его Генеральным секретарем. Почему именно он, а не Шелепин, имевший в своих руках большие рычаги влияния на партию, или не Косыгин, которого любили в народе, которого я, например, как и многие, считал и считаю умнейшим человеком и талантливым организатором, которому и до сих пор нет равных? А ведь, может быть, пошла бы по совсем другому пути история нашей страны, история партии, если бы в 1966 году встал во главе не Л. И. Брежнев, а кто-то из этих двоих? Но из истории, как и из песни, слова не выбросишь.

Но почему все-таки Брежнев? Чем подкупил он в своей борьбе за власть? Да тем, что как политик, как знаток политической борьбы он был выше всех. Он был достойным учеником своего учителя Н. С. Хрущева. Он прекрасно знал человеческую натуру и человеческие

слабости. Что значило для секретаря обкома или секретаря крупного горкома, которые в то время определяли жизнь партии на местах, когда первый секретарь ЦК КПСС звонит, иногда поздно вечером, иногда и во время своего отпуска, и интересуется делами партийной организации, спрашивает: как виды на урожай, что с промышленностью, что нового в области, ну и, конечно, как ты себя чувствуешь и чем тебе, дорогой, помочь? Этим ли путем или просто постепенной, незаметной на первый взгляд заменой старых секретарей на более молодых и лояльных, но он обеспечил себе к XXIII съезду партии поддержку подавляющего большинства партийной элиты.

Он прекрасно понимал, что этого недостаточно, необходимо завоевать популярность в народе. И надо сказать, что он это делал не популистскими лозунгами, которыми пестрит наше время, а конкретными решениями, понятными и осязаемыми простыми людьми. Несомненно, что все это обсуждалось и предлагалось на Политбюро, в правительстве теми же А. Н. Косыгиным, К. Т. Мазуровым, А. Н. Шелепиным и другими. Но ведь выступал-то перед народом Л. И. Брежнев.

Многие сегодня забыли, а в тот период на простых советских граждан произвело большое впечатление решение о пятидневной рабочей неделе. А возьмите другие решения – установление пенсионного возраста для женщин с 55-ти, а для мужчин с 60 лет, оплата труда и пенсии колхозникам, повышение заработной платы и снижение цен на ткани, детские изделия, часы, велосипеды, фотоаппараты и т. д. Разве это не прибавляло авторитета руководству, и в первую очередь Брежневу? И хотя не хватало мяса, ряда продовольственных товаров, эти конкретные шаги, несомненно, прибавили ему популярности.

Тонкий политик, Брежнев понимал, что жизнь сложна, трудности еще впереди, некоторые решения поспешны, и поэтому необходимо так утвердить себя в партии, в руководстве страной, чтобы завоеванные позиции были прочны и чтобы рядом не было конкурентов или молодых радикалов, которые в один прекрасный день, воспользовавшись появившимися трудностями, сместят его с поста, как это они сделали с Н. С. Хрущевым. Ему это удалось блестяще выполнить и оставаться лидером страны 18 лет, причем фактически не работая последние 6 лет.

* * *

Буквально через две недели после назначения меня пригласили к Брежневу, у которого в связи с простудой был острый катар дыхательных путей. (Тогда у него не было еще большой шикарной дачи в Заречье и жил он в относительно скромной квартире на Кутузовском проспекте.) После того как вместе с лечащим доктором Н. Родионовым мы его осмотрели и рекомендовали лечение, он пригласил нас попить вместе чаю. Разговор за чашкой чая зашел о хоккее, который Брежнев очень любил, о погоде, о предстоящей эпидемии гриппа. Неожиданно он меня спросил: «А как Антонов, все еще работает?» Я даже растерялся от такого вопроса, ибо до этого не думал, что Генеральный секретарь может интересоваться фигурой заместителя начальника 4-го управления. «Уж он-то хотел, чтобы не ты стал начальником Управления. Семь месяцев ждал этого места», – продолжал Брежнев. На этом разговор закончился. Я не знал, как его понять. Что это? Просто констатация факта или намек на то, что Антонов неугоден Брежневу и его окружению? Точки над «i» расставил Б. В. Петровский, который посвятил меня в тонкости создавшейся ситуации.

Оказывается, так же, как Г. Т. Григорян претендовал на место управляющего ЦК, так и Ю. Г. Антонов претендовал на место начальника 4-го управления. Вот тогда я понял, что моя кандидатура была противопоставлена кандидатуре Антонова, который был связан с Шелепиным. Брежнев не хотел, чтобы во главе 4-го управления стоял человек Шелепина. 4-е управление – очень важный участок: здесь хранятся самые сокровенные тайны руководства страны

и его окружения – состояние их здоровья, прогноз на будущее, которые при определенных условиях могут стать оружием в борьбе за власть. Я понимал, что только стечение обстоятельств заставило назначить на эту должность меня. И опять надо оценить правильный и тонкий ход Брежнева: рядом лучше иметь нейтрального, малоизвестного человека, ученого и врача, лишённого политических симпатий и амбиций.

Уверен, если бы была подходящая кандидатура из его окружения, то я бы спокойно продолжал свою научную деятельность. Но подпирало время. Семь месяцев стоял во главе такого управления исполняющий обязанности, и дальше сохранять такое положение было просто неудобно. Единственный человек, активно поддержавший Брежнева в его решении, был Ю. В. Андропов. Дело в том, что летом 1966 года, за несколько месяцев до моего назначения, мне вместе с академиком Е. В. Тареевым пришлось консультировать Ю. В. Андропова в сложной для него ситуации.

К слову сказать, уровень врачей Управления в тот период был крайне низок. Мой учитель А. Л. Мясников, который терпеть не мог это Управление и не любил там консультировать (может быть, из-за воспоминаний о последних днях Сталина, в лечении которого он участвовал), с ехидцей говаривал: «Там полы паркетные, а врачи анкетные». Он намекал, что при приеме на работу отдавалось предпочтение не квалификации, а показной верности идеалам партии, политической болтовне и демагогии.

Тамошние врачи и консультанты, не разобравшись в характере заболевания, решили, что Андропов страдает тяжелой гипертонической болезнью, осложненной острым инфарктом миокарда, и поставили вопрос о его переходе на инвалидность. Решалась судьба политической карьеры Андропова, а стало быть, и его жизни. Мы с Тареевым, учитывая, что Андропов длительное время страдал от болезни почек, решили, что в данном случае речь идет о повышенной продукции гормона альдостерона (альдостеронизме). Это расстройство тогда было мало известно советским врачам. Исследование этого гормона в то время проводилось только в институте, которым я руководил. Анализ подтвердил наше предположение, назначенный препарат «альдактон», снижающий содержание этого гормона, не только привел к нормализации артериального давления, но и восстановил электрокардиограмму. Оказалось, что она свидетельствовала не об инфаркте, а лишь указывала на изменение содержания в мышце сердца иона калия. В результате лечения не только улучшилось самочувствие Андропова, но и полностью был снят вопрос об инвалидности, и он вновь вернулся на работу.

В период, когда я начал работать в Управлении, он становился одним из самых близких Брежневу людей в его окружении. Познакомившись с ним через своего старого друга и соратника Д. Ф. Устинова, вместе с которым по поручению Хрущева руководил программами космоса и ракетостроения, Брежнев быстро оценил не только ум Андропова, его эрудицию, умение быстро разбираться в сложной обстановке, но и его честность. Советы Андропова, несомненно, во многом помогали Брежневу завоевывать положение лидера. К сожалению, после 1976 года, когда Брежнев отдал все «на откуп» своему окружению, советы Андропова часто повисали в воздухе.

В 1967 году Брежнев понимал, что для укрепления позиций в борьбе с А. Шелепиным ему необходима поддержка армии, КГБ, МВД и партийного аппарата. За армию он был спокоен, учитывая его связи с генералитетом и то, что во главе Министерства обороны стоял знакомый ему маршал Р. Я. Малиновский. Сложнее было с КГБ, который возглавлял близкий Шелепину Семичастный. Убрать его можно было, предложив фигуру, занимающую высокий ранг в таблице партийной иерархии. Такой фигурой был секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов. И Брежнев без труда добивается его назначения на важнейший пост Председателя КГБ, во многом определявшего жизнь страны. Во главе МВД страны Брежнев ставит хорошо ему знакомого Н. А. Щелокова, работавшего вторым секретарем ЦК КП Молдавии.

Уезжают за границу в почетную ссылку близкие Шелепину лица: Тикунов – советником посольства в Румынию, Месяцев – в Австралию, Григорян – в ФРГ. Семичастный назначается в Киев заместителем Председателя Совета Министров Украины под присмотр близкого Брежневу В. В. Щербицкого. Чекалова назначают в один из городов Российской Федерации начальником областного управления КГБ. Мой заместитель Антонов, которого долгое время защищали перешедшие из ЦК КПСС противники Брежнева – заместители министра Б. П. Данилов и А. Ф. Серенко, в конце концов перешел на должность начальника подобного управления в правительстве Российской Федерации.

Все первое полугодие 1967 года мне часто приходилось встречаться и с Брежневым, и с Андроповым, и я чувствовал их уверенность в успешном исходе борьбы с Шелепиным, который оказался менее искушенным и искусным в сложных перипетиях борьбы за политическую власть. Ни в Политбюро, ни в ЦК он так и не смог создать необходимого авторитета и большинства. Старики не хотели видеть во главе страны «комсомольца», как они называли Шелепина, памятуя его руководство комсомольской организацией СССР. И хотя я помню то напряжение, которое царило перед Пленумом ЦК КПСС, на котором Шелепина освободили от должности секретаря ЦК, Брежнев без большого труда убрал с политической арены своего возможного конкурента.

* * *

Вскоре после моего назначения я начал создавать по поручению Брежнева концепцию принципиально новой системы, которая, вобрав все лучшее, что есть в мировой медицинской науке и практике, могла бы обеспечить сохранение здоровья определенной группе населения. Кстати, такие системы разрабатывались и существовали за рубежом, в частности в США, в виде, например, специальных клубов для лиц, располагающих солидным капиталом и положением. Их материалы помогли и мне в формировании новых подходов.

Для оценки возможностей рационального использования Крыма в целях восстановительной терапии и строительства реабилитационных центров мы с группой сотрудников прилетели в Симферополь. Первое, что мы услышали в аэропорту, это постановление о назначении Андропова председателем КГБ. Всем все стало ясно. У одного из членов группы, прилетевших со мной, который был связан с Шелепиным и Семичастным и очень переживал за исход их борьбы, непроизвольно вырвалось: «Все. Теперь уже точно началось время Брежнева». Шла весна 1967 года...

Вероятно, по-разному будут оценивать это время историки. Уверен, что по-разному оценивают его и те, кто жил и работал в тот период. У меня сложилось двойственное его восприятие. С одной стороны, энтузиазм новыхстроек, порыв молодежи к освоению необжитых районов Сибири и Дальнего Востока. Активно разрабатывались месторождения нефти и газа в Западной Сибири, прокладывались трубопроводы в Европу, которые обеспечивают поступление валюты и в наше время, строились железная дорога через Сибирь и Дальний Восток, автомобильный завод на Каме. Помню большой зал временного общежития в только что начавшем строиться Тольятти, в котором рядом были и заместители министров, и мастера-строители, и проектировщики, и партийные руководители. Люди разного положения, возраста, образования – они в это время представлялись мне единым сплоченным коллективом с одной идеей – быстрее построить завод. К сожалению, этот порыв в стране стал постепенно угасать, по мере того как рушились надежды людей на лучшую жизнь.

С другой стороны, это был период, главным образом после 1976 года, когда начало процветать взяточничество, воровство, когда страна начала скатываться к алкоголизму и бездуховности.

Для меня 20 лет правления Брежнева, Андропова и Черненко вспоминаются как время тяжелой работы, без выходных и отпусков, как время ночных вызовов к пациентам, неожиданных вылетов за границу, когда на сборы есть только один час, и, наоборот, неожиданных вызовов в страну во время зарубежных научных командировок.

А ведь кроме работы в Управлении была еще и научная, и лечебная деятельность, которую я не оставлял ни на один день. Я мечтал о времени, когда не будет ночных вызовов и звонков, когда можно будет распоряжаться не только своим временем, но и самим собой. Сегодня я свободен: читаю лекции то в Москве, то в Нью-Йорке, то в Лондоне. Меня не гложет мысль, что через два часа меня могут отозвать или что кто-то недоволен моим долгим отсутствием в стране.

И все же в этой спокойной академической жизни я иногда с грустью вспоминаю и сложные ситуации, которые могли для меня закончиться печально, и своих товарищей по консилиумам, по совместному лечению больных, с которыми провел не одну бессонную ночь, и врачей бывшего 4-го управления, с которыми пришлось работать и которых сегодня превратили, в определенной степени, в изгоев, но равных которым по квалификации и самоотверженности я не знаю.

Мы – профессионалы и профессионально делали свое дело.

Часть 1

Трагедия Л. И. Брежнева

Удивительно и непредсказуемо восприятие человеком того или иного политического и общественного явления, отношение к той или иной идее, лозунгу, ну и, конечно, к политическим деятелям. Сегодня те, кто еще недавно восхвалял существующий строй, политических лидеров страны, свергают своих недавних кумиров. Политический капитал пытаются заработать на всем – и все апеллируют к народу, который сегодня уже не может ни в чем разобраться и начинает часто выступать как толпа.

Ты скажешь, читатель, что это нечестно – играть на чувствах и чаяниях народа. Согласен. Но такие времена, такие нравы.

Судьба политических деятелей в нашей стране просто непредсказуема. «То вознесет его высоко, то в бездну бросит без стыда». Что Хрущев! Что Брежнев! Разве мы могли подумать, что будут сносить памятники В. И. Ленину?...

Помню большую пачку писем, которую получил после смерти Л. И. Брежнева, авторы которых (не партийные функционеры, а обычные простые советские граждане!) упрекали нас, медиков, в том, что мы не обеспечили сохранение жизни и здоровья Генерального секретаря. Например, В. Н. Еременко из Москвы требовал, чтобы мы, академики, отчитались: все ли было использовано для спасения «продолжателя дела В. И. Ленина, пламенного патриота Советской Родины, выдающегося революционера и борца за мир, за коммунизм – Леонида Ильича Брежнева»? А Г. Н. Мудряков из Одессы настаивал: «Вы обязаны были освободить Леонида Ильича от губительной работы и стрессов, что не было сделано. Следовательно, вам необходимо по телевидению или в печати высказаться по этому вопросу, так как смерть товарища Л. И. Брежнева переживают не только его близкие, но и передовые люди всего мира».

Шли годы, развернулась «перестройка». Из «выдающегося политического и государственного деятеля» Брежнев превратился в одиозную фигуру, виновную, по сформировавшемуся общественному мнению, во всех бедах и недостатках, которые мы тогда переживали. В мой адрес звучали другие, прямо противоположные обвинения. Почему скрывали, что Л. И. Брежнев болен? (Как будто в этом кто-то сомневался.) Почему не настаивали, чтобы его освободили от работы? Так, например, вопрошал корреспондент «Медицинской газеты» Ю. Блиев, строя из себя невинного агнца: «Сегодня не дает мне покоя вопрос: зачем именитому академику, отвечавшему за здоровье „пятирежды Героя“, быть членом ЦК? Присягал бы одному лишь профессиональному долгу – может быть, задолго до перестройки и обнародовал бы диагноз – „пациенту противопоказано руководство страной“.»

С грустной улыбкой я читал эти «откровения» смелого журналиста. Старался вспомнить, задавали ли мне подобные вопросы о здоровье Брежнева при его жизни на многочисленных пресс-конференциях советские журналисты? И что-то не припомнил. За рубежом – да. Ни одна пресс-конференция не обходилась без обсуждения этого вопроса. Но всех устраивал и успокаивал мой ответ. Суть его заключалась в том, что существует клятва Гиппократа, которой придерживается каждый честный врач. В ней говорится, что при жизни пациента он должен сохранять в тайне все, что может тому навредить. Уж кто-кто, а корреспондент «Медицинской газеты» должен был об этом знать.

В этой связи вспоминается юмористическая сцена, которая возникла на одной из моих пресс-конференций в США. Было это в начале 80-х годов, когда в среду респектабельных журналистов-международников ворвались молодые, энергичные, не всегда вежливые представительницы женского пола, считавшие, что интервьюируемые созданы только для одного – отвечать на их вопросы, и более того – в необходимом для них свете. Одна из них одолевала меня

вопросами о состоянии здоровья Генерального секретаря и требовала, несмотря на мои вежливые разъяснения, точного ответа – умрет или не умрет в ближайшее время руководитель государства. Когда я стал ссылаться на клятву Гиппократу, она высокомерно заявила: «Это не ответ. Да и какое значение сегодня имеет клятва Гиппократу?» И тогда, потеряв присущую мне сдержанность, я ответил: «Уважаемая мисс! Какие слова вы сказали бы вашему врачу, если бы он на встрече с журналистами, да даже в узком кругу, рассказал о результатах вашего гинекологического обследования?» После короткой паузы замешательства раздался смех и аплодисменты.

И еще – почему думают, что вопрос о состоянии здоровья Генерального секретаря не ставился врачами перед Политбюро ЦК КПСС?

А сколько спекуляций было, да и сейчас существует, вокруг здоровья Л. И. Брежнева и возможной связи его болезни с недостатками в руководстве страной. Если верить воспоминаниям некоторых политических деятелей, «полудокументальным» повестям и детективным историям, то Брежнев перенес, по крайней мере, несколько инфарктов миокарда и не меньшее число нарушений мозгового кровообращения. Близкий к кругам КГБ, Юлиан Семенов в «Тайне Кутузовского проспекта» пишет: «Меня (одного из героев повести) до сих пор ставит в тупик то, что сердце Брежнева само „остановилось“. Он же на американском стимуляторе жил... И умер за два дня перед пленумом, когда, говорят, новый председатель КГБ Федорчук, не являясь членом ЦК, должен был войти в Политбюро...»

Не надо, как говорят в народе, наводить тень на плетень, уважаемый Юлиан Семенов, и создавать видимость заговора против Брежнева. По своей должности, да и от Брежнева либо Андропова, я всегда за несколько дней знал о предстоящих Пленумах ЦК. Не предполагалось Пленума с выдвижением Федорчука, так же как никогда у Брежнева не стоял ни отечественный, ни американский стимулятор. В жизни он лишь один раз, будучи первым секретарем ЦК компартии Молдавии, перенес инфаркт миокарда. В 1957 году были небольшие изменения в сердце, но они носили лишь очаговый характер. С тех пор у него не было ни инфаркта, ни инсультов.

* * *

История не терпит пустот и недомолвок. Если они появляются, то вскоре их заполняют домыслы, выгодные для определенных политических целей, предположения или набор не всегда проверенных и односторонне представленных фактов. Вот почему надо наконец ответить на вопрос: что же произошло с Генеральным секретарем ЦК КПСС, когда он из активного, общительного, в определенной степени обаятельного человека, политика, быстро ориентирующегося в ситуации и принимающего соответствующие решения, за 10 лет превратился в дряхлого, «склерозированного» старика? Откуда начать рассказ о трагедии Брежнева?

Для меня она началась в один из августовских дней 1968 года – года Пражской весны и первых тяжелых испытаний для руководимого Брежневым Политбюро. Шли горячие дискуссии по вопросу возможной реакции СССР на события в Чехословакии. Как я мог уяснить из отрывочных замечаний Ю. В. Андропова, речь шла о том, показать ли силу Варшавского пакта, в принципе, силу Советского Союза, или наблюдать, как будут развиваться события, которые были непредсказуемы. Важна была и реакция Запада, в первую очередь США, которые сами погрязли в войне во Вьетнаме и не знали, как оттуда выбраться. Андропов боялся повторения венгерских событий 1956 года. Единодушия не было, шли бесконечные обсуждения, встречи, уговоры нового руководства компартии Чехословакии. Одна из таких встреч Политбюро ЦК КПСС и Политбюро ЦК КПЧ проходила в середине августа в Москве.

В воскресенье стояла прекрасная погода, и моя восьмилетняя дочь упросила меня пораньше приехать с работы, для того чтобы погулять и зайти в кино. Узнав у дежурных, что в

Кремле все в порядке, идут переговоры, я уехал домой выполнять пожелания дочери. В кино-театре «Стрела» демонстрировались в то время детские фильмы, и мы с дочерью с радостью погрузились в какую-то интересную киносказку. Не прошло и 20 минут, как ко мне подошла незнакомая женщина и попросила срочно выйти. На улице меня уже ждала автомашина, и через 5 минут я был на улице Грановского, в Управлении.

Здесь никто ничего толком не мог сказать. И вместе с П. Е. Лукомским и нашим известным невропатологом Р. А. Ткачевым мы выехали в ЦК, на Старую площадь.

Брежнев лежал в комнате отдыха, был заторможен и неадекватен. Его личный врач Н. Г. Родионов рассказал, что во время переговоров у Брежнева нарушилась дикция, появилась такая слабость, что он был вынужден прилечь на стол. Никакой органики Р. А. Ткачев не обнаружил. Помощники в приемной требовали ответа, сможет ли Брежнев продолжить переговоры. Клиническая картина была неясной. Сам Брежнев что-то бормотал, как будто бы во сне, пытался встать.

Умница Роман Александрович Ткачев, старый опытный врач, сказал: «Если бы не эта обстановка напряженных переговоров, то я бы сказал, что это извращенная реакция усталого человека со слабой нервной системой на прием снотворных средств». Родионов подхватил: «Да, это у него бывает, когда возникают неприятности или не решаются проблемы. Он не может спать, начинает злиться, а потом принимает 1–2 таблетки снотворного, успокаивается, засыпает. Просыпается как ни в чем не бывало и даже не вспоминает, что было. Сегодня, видимо, так перенервничал, что принял не 1–2 таблетки, а больше. Вот и возникла реакция, которая перепугала все Политбюро». Так и оказалось.

В приемную зашел А. Н. Косыгин и попросил, чтобы кто-нибудь из врачей разъяснил ситуацию. Вместе с Ткачевым мы вышли к нему. Искренне расстроенный Косыгин, далекий от медицины, упирал на возможность мозговых нарушений. Он сидел рядом с Брежневым и видел, как тот постепенно начал утрачивать нить разговора. «Языку него начал заплетаться, – говорил Косыгин, – и вдруг рука, которой он подпирал голову, стала падать. Надо бы его в больницу. Не случилось бы чего-нибудь страшного». Мы постарались успокоить Косыгина, заявив, что ничего страшного нет, речь идет лишь о переутомлении и что скоро Брежнев сможет продолжить переговоры. Проспав 3 часа, Брежнев вышел как ни в чем не бывало и продолжал участвовать во встрече.

Конечно, мы рисковали, конечно, нам повезло. Динамическое нарушение мозгового кровообращения протекает иногда стерто и не всегда диагностируется. Правда, к везению надо прибавить и знания. Но что если бы на нашем месте были «перестраховщики», они бы увезли Брежнева в больницу, дня два обследовали, да еще, ничего не найдя, придумали бы диагноз либо нейродистонического криза, либо динамического нарушения мозгового кровообращения. А главное, без необходимости создали бы напряженную обстановку в партии, ЦК, Политбюро.

Это был для нас первый сигнал слабости нервной системы Брежнева и извращенной в связи с этим реакции на снотворное.

* * *

Шли годы. Возникали то одни, то другие проблемы. И я уже стал забывать о событии августовского воскресенья 1968 года.

Но вернемся в 1971 год – год XXIV съезда партии. Это был последний съезд, который Л. И. Брежнев проводил в нормальном состоянии. Он еще был полон сил, энергии, политических амбиций. Положение его как лидера партии и страны было достаточно прочным. Кроме того, чтобы обезопасить себя от возможных неожиданностей, он избрал верный путь. Во-первых, привлек в свое окружение людей, с которыми когда-то работал и которые, как он правильно

рассчитывал, будут ему благодарны и преданы за их выдвижение. Во-вторых, на всех уровнях, определяющих жизнь страны, он стремился поставить людей по принципу «разделяй и властвуй».

Нет, не был в те годы Л. И. Брежнев недалеким человеком, чуть ли не дурачком, как это пытаются представить некоторые средства массовой информации. Он был расчетливым, тонким политиком. Среди его советников были самые видные специалисты в своих областях – академики М. В. Келдыш, Г. А. Арбатов, Н. Н. Иноземцев и многие другие, которые участвовали в разработке предлагаемых им программ.

Принцип «разделяй и властвуй» проявлялся и в Политбюро, где напротив друг друга сидели два человека, полные противоположности и, мягко говоря, не любившие друг друга, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин. В свою очередь, в Совете Министров СССР А. Н. Косыгина окружали близкие Брежневу люди – старый друг Д. С. Полянский и знакомый еще по работе в Днепропетровске Н. А. Тихонов. Удивительными в связи с этим принципом казались мне его отношения с Ю. В. Андроповым.

Андропов был одним из самых преданных Брежневу членов Политбюро. Могу сказать твердо, что и Брежнев не просто хорошо относился к Андропову, но по-своему любил своего Юру, как он обычно его называл. И все-таки, считая его честным и преданным ему человеком, он окружил его и связал «по рукам» заместителями председателя КГБ – С. К. Цвигуном, которого хорошо знал по Молдавии, и Г. К. Циневым, который в 1941 году был секретарем горкома партии Днепропетровска, где Брежнев в то время был секретарем обкома. Был создан еще один противовес, хотя и очень слабый и ненадежный, в лице министра внутренних дел СССР Н. А. Щелокова. Здесь речь шла больше не о противостоянии Ю. В. Андропова и Н. А. Щелокова, которого Ю. В. Андропов иначе как «жуликом» и «проходимцем» мне и не рекомендовал, а скорее в противостоянии двух организаций, обладающих возможностями контроля за гражданами и ситуацией в стране. И надо сказать, что единственным, кого боялся и ненавидел Н. А. Щелоков, да и его первый зам, зять Брежнева – Ю. М. Чурбанов, был Ю. В. Андропов. Таков был авторитет и сила КГБ в то время.

Первое, что сделал Ю. В. Андропов, когда обсуждал будущую работу и взаимодействие с молодым, далеким от политических интриг, не разбиравшимся в ситуации руководителем 4-го управления, к тому же профессором, обеспечивающим постоянное наблюдение за состоянием здоровья руководителей партии и государства, это предупредил о сложной иерархии контроля за всем, что происходит вокруг Брежнева.

Жизнь не проста, многое определяет судьба и случай. Случилось так, что и С. К. Цвигун, и Г. К. Цинев сохранили жизнь только благодаря искусству и знаниям наших врачей. С. К. Цвигун был удачно оперирован по поводу рака легких нашим блестящим хирургом М. И. Перельманом, а Г. К. Цинева мы вместе с моим другом, профессором В. Г. Поповым, несколько раз выводили из тяжелейшего состояния после перенесенных инфарктов миокарда. И с тем и с другим у меня сложились хорошие отношения. Но и здесь я чувствовал внутренний антагонизм двух заместителей председателя КГБ, которые ревностно следили друг за другом. Но оба, хотя и независимо друг от друга, контролировали деятельность КГБ и информировали обо всем, что происходит, Брежнева. Умный Георгий Карпович Цинев и не скрывал, как я понял из рассказов Андропова, ни своей близости к Брежневу, ни своих встреч с ним.

Болезни Цвигуна и Цинева доставили нам немало переживаний. И не только в связи со сложностью возникших медицинских проблем, учитывая, что в первом случае приходилось решать вопрос об операбельности или неоперабельности рака легких, а во втором – нам с трудом удалось вывести пациента из тяжелейшего состояния, граничащего с клинической смертью. Была еще одна сторона проблемы. Брежнев особенно тяжело переживал болезнь Цинева, который был его старым другом. Когда я выражал опасения о возможном исходе, он не раздражался, как это делали в трудные минуты многие другие руководители, а по-доброму просил

сделать все возможное для спасения Георгия Карповича. Удивительны были звонки Андропова, который, прекрасно зная, кого представляет Цинев в КГБ, искренне, с присущей ему вежливостью просил меня помочь, использовать все достижения медицины, обеспечить все необходимое для лечения и т. п. Мне всегда казалось, что Андропов, понимая всю ситуацию, уважал и ценил Цинева, будучи в то же время весьма равнодушным и снисходительным к Цвигуну.

Для меня они оба были пациентами, для спасения которых было отдано немало не только знаний, но и души, потому что для врача нет генерала или солдата, партийного или беспартийного, работника КГБ или рабочего с автомобильного завода. Есть сложный больной, которого ты выходишь и которому ты сохранил жизнь. И это самое важное и дорогое. Конечно, существует и определенная ответственность при лечении государственных деятелей, но искренне добрые чувства рождаются именно с преодолением трудностей, с чувством честно выполненного долга, когда ты видишь результаты своего труда.

... Мне пришла на память история, которая, я уверен, не имела места в кабинете председателя КГБ ни до, ни после этого дня. Однажды я оказался у Андропова в кабинете. В это время у нас начали появляться проблемы с состоянием здоровья Брежнева, и мы встретились с Андроповым, чтобы обсудить ситуацию. Когда, закончив обсуждение, я поздравил Андропова с днем рождения, раздался звонок его самого близкого друга Д. Ф. Устинова. В тот период возникающие с Брежневым проблемы Андропов скрывал от всех, даже от самых близких друзей. На вопрос: «Что делает „новорожденный“ в данный момент?» – Андропов, понимая, что Устинов может каким-то образом узнать о моем длительном визите, ответил: «Меня поздравляет Евгений Иванович». Заводной, с широкой русской натурой Дмитрий Федорович тут же сказал: «Я этого не потерплю и еду к вам. Только скажи, чтобы открыли ворота, чтобы я въехал во двор, а то пойдут разговоры, что я к тебе еду по вечерам». Короче говоря, через 30 минут в кабинете был Дмитрий Федорович, поздравлял, громко смеялся и требовал положенных в таких случаях 100 граммов. Андропов ответил, что не держит в кабинете спиртного. Настойчивый Дмитрий Федорович предложил вызвать помощника Андропова, который должен был находиться в приемной, и попросить чего-нибудь достать. К моему удивлению, вместо помощника зашел Цвигун, а затем, буквально вслед за ним, извиняясь, появился Цинев. Конечно, нашлись 100 граммов за здоровье именинника, было шумно, весело, но меня не покидало ощущение, что нас не хотели оставлять втроем – о чем могли говорить председатель КГБ и приехавший внезапно и тайно министр обороны с профессором, осуществляющим лечение Брежнева, у которого появились проблемы со здоровьем?

Может быть, я был излишне мнителен, но интуиция меня никогда не подводила.

* * *

В первые годы моей работы в Управлении общительный, жизнерадостный, активный Леонид Ильич любил собирать у себя в доме компании друзей и близких ему лиц. Помню свое удивление, когда через год моей работы на посту начальника 4-го управления, в один из декабрьских вечеров, раздался звонок правительственной связи. Говорил Брежнев: «Ты что завтра вечером делаешь? Я хотел бы тебя пригласить на дачу. Соберутся друзья, отметим мое рождение». В первый момент я даже растерялся. Генеральный секретарь ЦК КПСС и вот так, запросто, приглашает к себе домой, да еще на семейный праздник, малоизвестного молодого профессора. Невдомек мне было тогда, что приглашал Брежнев не неизвестного профессора, а начальника 4-го управления.

В назначенное время я был на скромной старой деревянной даче Генерального секретаря в Заречье, на окраине Москвы, где в небольшой гостиной и столовой было шумно и весело. Не могу вспомнить всех, кого тогда встретил в этом доме. Отчетливо помню Андропова, Усти-

нова, Цинева, помощника Брежнева – Г. Э. Цуканова, начальника 9-го управления КГБ С. Н. Антонова, министра гражданской авиации Б. П. Бугаева. Царила непринужденная обстановка. Брежнев любил юмор, да и сам мог быть интересным рассказчиком.

Довольно скоро, не знаю в связи с чем, для меня, да и для многих из тех, кто бывал со мной, они прекратились. Круг тех, кто посещал Брежнева, ограничился несколькими близкими ему членами Политбюро. Среди них не было ни Подгорного, ни Косыгина, ни Сулова. Да и позднее, когда Брежнев, все чаще и чаще находясь в больнице, собирал там своих самых близких друзей, я не встречал среди них ни Подгорного, ни Косыгина, ни Сулова. За столом обычно бывали Андропов, Устинов, Кулаков, Черненко. Даже Н. А. Тихонова не бывало на этих «больничных своеобразных чаепитиях», на которых обсуждались не только проблемы здоровья Генерального секретаря.

Вспоминая эти встречи, да и стиль жизни и поведения Брежнева на протяжении последних 15 лет его жизни, я убеждался, как сильны человеческие слабости и как они начинают проявляться, когда нет сдерживающих начал, когда появляется власть и возможности безраздельно ею пользоваться. Испытание «властью», к сожалению, выдерживают немногие. По крайней мере, в нашей стране. Если бы в конце 60-х годов мне сказали, что Брежнев будет упиваться славой и вешать на грудь одну за другой медали «Героя» и другие знаки отличия, что у него появится дух стяжательства, слабость к подаркам и особенно к красивым ювелирным изделиям, я бы ни за что не поверил. В то время это был скромный, общительный, простой в жизни и обращении человек, прекрасный собеседник, лишенный комплекса «величия власти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.